

П. Милюковъ. Очерки по исторіи культуры. Томъ 3-й. Націонализмъ и европеизмъ. Парижъ. 1930.

Третій томъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» Милюкова вышелъ новымъ (переработаннымъ) изданіемъ. «Очерки» печатались впервые уже давно, въ журналѣ «для самообразованія» и съ «направленіемъ». Въ книгѣ Милюкова ищущій «самообразованія» найдетъ и сейчасъ очень много: вѣдь это до сихъ поръ — е д и н с т в е н н а я исторія русской культуры. Большинство читателей читаютъ книги, всякія книги «для самообразованія», — даже романы. Во всякой книгѣ есть матерія, а въ иныхъ есть и еще что-то: «форма» (не въ смыслѣ «слога»), «энтелехія», «душа» автора, — с а м ъ а в т о р ь. Читающей «для самообразованія» э т у сторону книги оставляетъ безъ вниманія. Съ такого читателя довольно, что Пушкинъ «вывелъ» добродѣтельную русскую дѣвицу Татьяну — и притомъ русскую душою; — значитъ, онъ — «національный поэтъ». «Направленіе» читатель «для самообразованія» относитъ также къ «матеріи» книги, а не къ ея «формѣ», — какъ студентъ изъ чеховской «Скучной исторіи», аплодирующий въ театрѣ, потому что «благородно». Въ свое время «Очерки», съ этой точки зрѣнія, произвели нѣкоторое замѣшательство. «Направленіе» толстаго журнала, въ которомъ они печатались, было «благородное» и въ тѣ времена считалось единственнымъ до-

пустимымъ для «сознательнаго» читателя: это былъ монизмъ Маркса и Маха. Такое направленіе вслѣдъ «сознательный» читатель легко могъ приспособить къ себѣ, просто — напаять на себя. «Сознательные» тотчасъ замѣтили, что у Милюкова монизмъ какой-то другой, требующій отъ нихъ непривычнаго усилія мысли. Изъ затруднительнаго положенія былъ легко найденъ успокоительный исходъ: у автора были обнаружены «шатаніе» въ мысляхъ, недостатокъ «последовательности» и, значитъ, «сознательности». Сейчасъ, четверть вѣка спустя, намъ ясно, въ чемъ дѣло: Милюковъ ровно на этотъ юбилейный срокъ опередилъ читателей. Его «направленіе» покоится на основѣ того монизма, который теперь только сталъ господствующимъ въ наукѣ мировоззрѣніемъ. Это — идеаль-реализмъ (въ введеніяхъ къ отдѣльнымъ частямъ «Очерковъ» онъ уже формулированъ въ своемъ исторіософскомъ примѣненіи съ достаточной ясностью и точностью, — при всей ихъ краткости). «Сознательными» читателями руководилъ вѣрный инстинктъ: идеаль-реализмъ — направленіе непріятное, неудобное. Онъ все «развоплощаетъ» (угроза историческому материализму), все сводитъ къ «энергіямъ», къ «процессамъ» — и, соотвѣтственно, и отъ читателя требуетъ «энергіи», творчества, участія въ творествѣ читаемаго автора. Оттачиваніе отъ «Очерковъ», въ этомъ послѣднемъ отношеніи, объединило «сознательныхъ» съ «несознательными»

«правыми»). Последние, в сущности, тоже — «материалисты». «Очерки» ведь не только книга «для самообразования» и сь «направлением». В ней заключена цѣлая философія націи, философія, опредѣлившая собою и всю политику Милюкова. Для подавляющаго большинства «правыхъ» (да, впрочемъ, и для нѣкоторыхъ «лѣвыхъ») Нація есть опредѣленный, готовый предметъ. У нея есть разь навсегда данные, готовые, идеалы, воплощенные въ опредѣленныхъ, ей присущихъ «по природѣ», символахъ, своя структура. Все это надлежитъ сберечь, сохранить отъ порчи, или очистить отъ искаженій, или — освободить отъ «оковъ» и т. д. И вдругъ оказывается, что Нація есть неустанный творческий процессъ, что ея с е г о д н я не то, что ея в ч е р а и что ея з а в т р а не будетъ тѣмъ же самымъ, что ея в ч е р а или ея с е г о д н я. Въ становленіи Націи есть п р о г р е с с ъ, не въ смыслѣ движенія «къ лучшему свѣтлому будущему», а въ смыслѣ ея н а и б о л ѣ е п о л н о й р е а л и з а ц і и. Сь точки зрѣнія идеаль-реализма коллективная величина реальна сама по себѣ, но не какъ «вещь», а какъ п е р е ж и в а н і е. Чѣмъ больше людей участвуютъ въ этомъ переживаніи, и чѣмъ сознательнѣе, тѣмъ Нація ближе къ своей реализации. Добровольное, свободное, совмѣстное участіе всѣхъ въ становленіи Націи — это и есть характерная черта европейской исторіи, «европеизмъ» — слово, очевидно, не случайно употребленное авторомъ «Очерковъ» въ новомъ заглавіи 3-ей части. Такъ у Ми-

люкова «снимается» противоположность Западниковъ и Славянофиловъ. «Европеизация» Россіи — ф о р м а л ь н ы й признакъ ея прогресса какъ Націи — и ничего больше. Рѣчь идетъ ни о простомъ отказѣ отъ Национальнаго «лица», ни — о замѣнѣ этого лица какимъ-то другимъ, надъ-национальнымъ. Непривычный къ идеаль-реалистическому жизнепониманію человѣкъ можетъ, впрочемъ, подумать, что Милюковъ, вообще, не признаетъ у Націи какого-то особаго «лица»: проблема тождественности Идеи самой себѣ въ ея непрестанномъ становленіи — начало и конецъ всякой истинной философіи — не дается «среднему» читателю, плохо укладывается въ сознаніи. Дать философію Русской Націи — это не значить «свести» Пушкина къ Достоевскому, или какъ-нибудь «примирить» Толстого сь Вл. Соловьевымъ, или, — еще проще — зачеркнуть Толстого; это значить: претворить ихъ всѣхъ въ собственномъ сознаніи и сказать какое-то еще одно «новое слово», которое дастъ начало ряду другихъ «новыхъ словъ». Это — творческій консерватизмъ, дѣйствительное обереганіе національной традиціи. Обстоятельства помѣшали Милюкову досказать свое слово. «Очерки» обрываются на самомъ интересномъ мѣстѣ. Примыкающія къ нимъ «Главные теченія русской исторической мысли» также остались незаконченными.

На Милюковъ лежитъ долгъ передъ русской культурой — дописать ея исторію.

П. Биццалли.